Вл. Солоухин

СЕВЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

СЕВЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

Стихотворения

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

ББК 84Р7
С 60

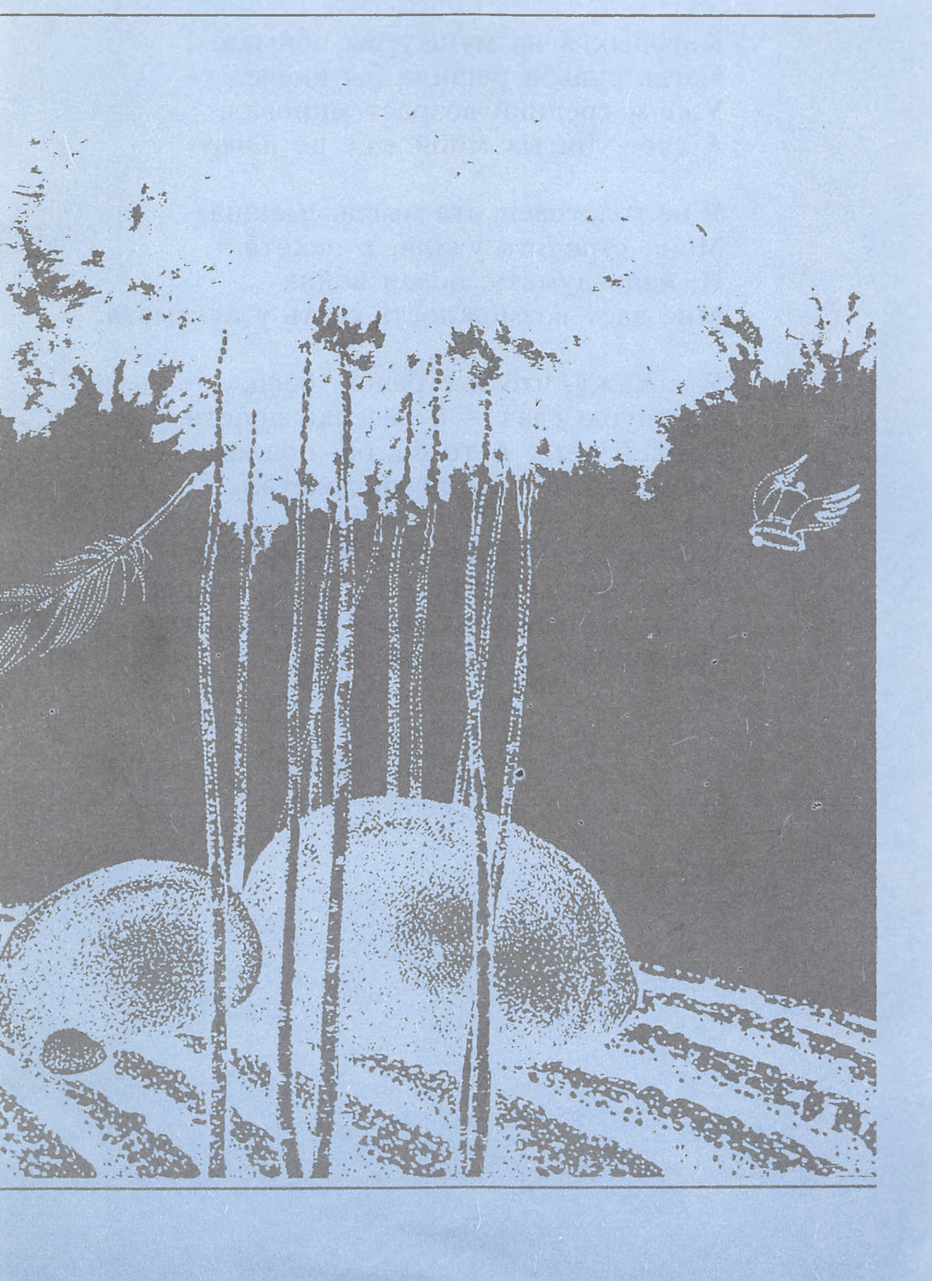
С $\frac{4702010202—047}{078(02)—90}$ КБ—019—051—89

ISBN 5-235-01106-6

Держитесь, копите силы,
Нам уходить нельзя.
Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья.

СЕВЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

Я НИКОГО НА СВЕТЕ НЕ УБИЛ

Я никого на свете не убил.
Так получилось. Даже мышь не тронул.
Ни из рогатки галку и ворону,
Ни петуха на щи не зарубил.

Так получилось. Не был на войне
И не успел к охоте пристраститься.
Жив тот солдат в германской стороне,
И живы те медведи, лоси, птицы,

Которых я на мушку бы поймал,
Когда судьба решила бы иначе.
Уже и средний возраст миновал,
А счет убитых мной еще не начат.

Я не толстовец, эта мысль смешна,
Меня стрелять учили, я пехота,
И, надо думать, новая война
Мне даст возможность сесть у пулемета.

Я покажу, что я стрелок, боец,
Прищурю глаз — и песенка допета.
Дуэлей нет... А то бы он, подлец,
От моего не спасся пистолета.

Но все же умереть бы, как и жил,
И сознавать, держа в большом секрете
Тот странный факт, что я на этом свете,
Да, никого я так и не убил.

ПРИДЕТ ВЕСНА

Стоит зима, сурова и жестока,
Она мертвит, гуляя по лесам,
И корни, что — в родной земле глубоко,
И ветви, что — стремятся к небесам.

Сады вокруг, взращенные веками,
Не вспыхнут белым цветом по весне,
Хотя они еще не знают сами,
Что умерли в морозе, как во сне.

И сами мы пока не знаем даже,
Где мертвый сук, где чаящий весны.
Стоят деревья, черные, как сажа,
На фоне ровной снежной белизны.

Но день придет, наступит разделенье,
Когда весной распустится листва:
Кому идти на черные поленья,
Кому дышать оставлены права

И пить дожди под теплым небом мая,
Отяжеляться от плодов земных...
Придет весна, природу обновляя
И отделяя мертвых от живых.

ХМЕЛЬ

Посадил безответственно хмель,
А опоры ему не поставил.
По шершавой и пыльной земле
Я его пресмыкаться заставил.

Он, трудяга, не в поисках нег,
В синеватые глядя просторы,
Выпускает свой чуткий побег,
Шарит в воздухе, ищет опоры.

Хоть бы палку бы рядом воткнуть,
Как бы жадно вокруг он обвился,
И в спиральный возвышенный путь
Как мгновенно бы он устремился.

Ищет, ищет зеленая ткань,
По окружности тыкаясь слепо,
Вертикаль, вертикаль, вертикаль,
Уводящую в синее небо.

Нет, усилья напрасны, вблизи
Никакой не встречая зацепки,
Как змея, извиваясь, ползи
Через рытвины, мусор и щепки.

Но нельзя не стремиться. Нельзя
Сомневаться, стеная и ноя:
Попадется ли все же стезя,
Что тебя вознесет над землею?

ЧЕРЕМУХА

Какой простор насмешкам был,
Упрекам тошным и сварливым,
Что я черемух насадил,
Где быть бы яблоням и сливам.

Как помню, даже и сосед
Не похвалил моей затеи:
«Ни красоты особой нет,
Ни проку, кроме, разве, тени.

От ягод сразу вяжет рот,
Ну съешь десятка два от силы.
Конечно, ежели цветет,
То и душисто и красиво,

Но это ведь — три дня в году.
И — отцвела. И — все забыто.
И для чего сажать в саду,
Когда ее в лесу избыток?»

Но я вчера окно открыл,
Нет, распахнул окно, вернее,
И белой сказкой встречен был
И сразу замер перед нею.

Пыланье белого огня
В чуть золотистый час рассвета...
О, три черемуховых дня!
Пусть остальные — просто лето.

Вы не обманете меня,
Чуди, капризничай, погода...
О, три черемуховых дня
За остальные будни года!

Судьба, пути свои верши.
И отживу. И в землю лягу.
Три дня цветения души!
Себе берите тонны ягод.

И расцветая и звеня,
И ты, красивая, прости мне,

Что — три черемуховых дня,
А остальные все — простые.

То утро в памяти храня,
Прошу у жизни, как награды:
Дай три черемуховых дня,
А остальных уже не надо.

СЕВЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

Хорошо вам, красивые, белые сестры,
Белоствольными рощами тихо стоять,
Не под северным ветром, как лезвие острым,
Не от северных жгучих морозов стонать.

Хорошо вам, прямые и стройные станом,
И легко зеленеть, и легко золотеть.
Ваши кроны подобны зеленым фонтанам,
Словно женские волосы каждая ветвь.

Ваши корни блаженствуют в мягком
суглинке,
Под зеленым покровом цветущей травы.
Среди ржи вы красуетесь, как на картинке,
И бессмертных стихов удостоены вы.

Только как сохранить эти пышные ветви,
И стволов прямизну, и приветливый вид,
Если ветви стрижет обжигающий ветер,
Если корни скользят о холодный гранит.

Где роскошного летнего полдня сиянье,
Или теплых и тихих ночей благодать?
Наша жизнь — это только противостоянье.
И одна невеликая цель — устоять.

Валуны, плывуны, непогожее лето,
И зазимок опять, и мороз недалек.
И тепла, и добра, и вселенского света
Нам отпущен жестокий и скудный паек.

Просветленные дни, словно птицы —
пролетом,
Промелькнули — и нет, от зимы до зимы.
Мы суровой природы придавлены гнетом,
Где бы просто расти, извиваемся мы.

О стволах, как свечах, не мечтаем подавно,
О какой уж мечтать прямизне и красе:
Все в буграх и узлах, в черных все
бородавках,
Перекручены все, переверчены все.

Утешаться ли нам? Говорят, древесина,
Если мы попадем под пилу и топор,
Древесина у нас уникально красива,
За узором — узор, за узором — узор.

Тот оттенок ее, золотист или розов,
Полировки ее драгоценная гладь:
Вот во что отложились ветра и морозы,
Как страданья поэта ложатся в тетрадь.

Все, что было жестокостью, стойкостью,
болью,
Золотыми словами сверкает с листа.
Утешаться ли нам, что суровая доля
По конечному счету и есть красота?

ПРЕКРАСНА ЖЕНЩИНА...

Но верь мне, дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

А. Пушкин

Сверкает молния во мгле,
Вскипает синяя громада.
Прекрасна дева на скале,
И спорить с Пушкиным не надо.

Очарованья образ полн
Купальщицы порой ночною,
Когда идет она из волн,
Посеребренная луною.

Прекрасна девушка. Смутясь
От слов любовного признанья,
Глаза поднимет, а от глаз
Распространяется сиянье.

Прекрасна девушка втройне,
Что с розовой зарей на теле,
Вся разметается во сне
В предутреннем жару постели.

Прекрасна женщина, когда,
От страсти закусивши губы,
Она стенает без стыда
В объятьях, что нежны и грубы.

Прекрасна пьющая вино,
Сулящая дары любви нам,
Бросающая нас на дно
И возносящая к вершинам.

Младенец. Женщина над ним.
Вот красота и вот единство!
Над ней, кормящей, как бы нимб
Мерцает светом материнства.

Но красотою до конца
Не насладился тот, кто все же

Не видел женского лица
Не на скале и не на ложе,

Не в теплой парковой ночи,
Когда цветы луной облиты,
Но в тихом отсвете свечи
Во время пламенной молитвы.

ЧЕТА БЕЛЕЮЩИХ БЕРЕЗ

И на холме, средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

М. Лермонтов

Куда ни вел бы путь неблизкий,
К какому б дальнему огню,
Я в сердце образ материнский,
Я образ Родины храню.

Храню светло и молчаливо
Ее от трав до самых звезд...
И на холме, средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Лежит она в лесах и пашнях,
Меж океанов и морей.
Я провожаю день вчерашний
И новый день встречаю с ней.

Встречаю сердцем словно диво
И снег, и майский грохот гроз...
И на холме, средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Ее проезжие дороги,
Ее большие города,
И слезы мамы на пороге,
И тяжесть ратного труда.

В сыновьем сердце терпеливо
Я сквозь огонь жестокий нес
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Нас разлучить ничто не может,
Уйду с земли — встречай, земля.
Пускай другой, на полке лежа,
Глядит в российские поля,

Пускай увидит он счастливо
Родной простор под стук колес...
И на холме, средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

СТАРЫЕ ПЕСНИ

Нам прошлый мир убог и тесен,
Живем на новом рубеже,
И от запетых старых песен
Как бы оскомина уже.

Хоромы, кони вороные,
Отрада, сторож в терему
Не говорят, пожалуй, ныне
Уже ни сердцу, ни уму.

Смешны и гривы и погони,
Кистень и посвист молодца...
Но ведь когда б и вправду — кони
И ты, бегущая с крыльца,

Когда б и вправду, там, за прялкой
Моей судьбы крутилась нить,
Ужель какой-то сторож жалкий
Меня бы мог остановить?

И впрямь, за ласки и за взоры,
Чтоб ты владела мной одна,
Ведь отдал бы я эти горы
И реки, полные вина!

ПОСЛЕ ТЕБЯ

Конечно, останутся звезды, и травы, и росы.
Ручьи и тропинки, береза, и клен, и ольха.
И книги, и люди, и вечные эти вопросы,
И боль от обиды, и сладость рожденья
стиха.

Останется все, что уже пребывает и ныне,
Как в поле ромашки и как облака в синеве...
Но знающий горечь степной августовской
полыни
Не будет бояться горчинки в обычной траве.

Конечно, останутся пашни, стога и ометы,
А после метели тепло, самовар и постель...
Но все же вкусившего сладости дикого меда
Едва ли утешит в бумажке цветной
карамель.

Конечно, останутся белые утром туманы,
И ясные зори, и ветры с любой стороны...
Но слышавший грохот зеленых валов океана
Не будет дивиться плесканью озерной
волны.

Конечно, останутся все переборы гитары
И взгляды во взгляды, когда образуется
нить...
Но жажду познавшему в огненном пекле
Сахары
Страшиться ль хотенья —
во время прогулки — попить.

Хлебнувшему лютых, железных, полярных
морозов
Смешон в январе подмосковный морозный
денек...
Конечно, останутся весны, и ранние грозы,
И все листопады, что мир приберег.

И даже объятья. И рыбье биение чресел.
И дни и недели, что будут сменяться, рябя...
Но после тебя мир —
бесцветен, безрадостен, пресен.
И что же мне делать со всем этим
после тебя?

* * *

Раздавливая ногой
Отвратительную,
Ползучую,
Жирную гусеницу,
Разве ты знаешь,
Какую бабочку
Ты раздавил?

ЖАВОРОНКИ

Жаворонки покидают нашу землю.
Люди,
Не пора ли опомниться?
Только подумайте —
Жаворонки покидают нашу землю.
Я помню
Их золотистые песенки над головой,
Над полями весенними,
Ржаными, пшеничными,
Льняными,
Всеми,
Над всей обильной
Цветущей землей.

Через каждые сто шагов
Над нами в небе
Трепетал золотой колокольчик.
Это значит,
На каждом
Квадратном
Километре земли
Десять тысяч жаворонков звенело тогда.
Кончено,
Кончено!
Онемело небо,
Только ноют высоковольтные провода.
Что случилось?
Прогнала ли их химия,
Которой опрыскивается,
Опыляется
И отравляется все живое?
Или повсеместный запах солярки?
Или постоянное тарахтенье моторов?
Или то, что жирно плодится крапива?
Я не знаю, в чем корень зла,
Но я знаю,
Что если жаворонки
Покидают нашу землю,
Люди,
Значит, плохи наши дела.

ОЛЬХА

Я обманул ольху.
В один из зимних дней
На берегу застывшей нашей речки
Я наломал заснеженных ветвей
И внес в тепло, которое от печки.

Не в то, что нам апрель преподнесет,
Когда земля темнеет и курится,
И в синем небе проплывает лед,
И в синих водах пролетают птицы.

Тогда глядится в зеркало ольха,
В серьгах расцветших,— славная обнова!
Ну не сирень, а все же не плоха.
Сирень когда? А я уже готова.

Сережки нежным золотом сквозят,
Летит по ветру золотистый цветень.
Земля черна, но свадебный наряд
Ее пречист, душист и разноцветен.

Что в семечке от наших скрыто глаз,
На свет выходит сокровенной сутью.
Итак,
Я в тот запомнившийся раз
Домой принес мороженые прутья.

Смеялись люди — экие цветы!
Уж лучше б веник ты поставил в воду.
Но от печной, домашней теплоты
Включился некий механизм природы.

Жизнь пробудил случайный обогрев,
Сработали реле сторожевые.
На третий день, взглянув и обомлев,
Мы поняли, что прутья те живые!

В них происходят тайные дела,
Приказ, аврал, сигналы по цепочке.
Броженье соков. Набухают почки.
И дрогнула ольха и зацвела.

Висят сережки длинные подряд.
Разнежились. На десять сантиметров.
Пыльцой набухли.
Жаждут,
Ждут,
Хотят
Программой предусмотренного ветра.

Он облегчит, он лаской обовьет,
А без него и тягостно и плохо.
Ольха цветет, надеется, зовет,
Еще не зная страшного подвоха.

Но нет корней, и почвы нет, и нету
В глухих стенах земного ветерка.
Цветет в кувшине пышным пустоцветом
Обманутое дерево ольха.

Не пить воды, на солнышке не греться,
В июльский дождь листвою не шуметь,
И в воды те в апреле не глядеться,
И продолженья в мире не иметь.

Что из того, что радостно и звонко
Раздастся песня раннего скворца?
Летит, пылит на мертвую клеенку
Досадный мусор — мертвая пыльца.

У ЗВЕРЕЙ

Зверей показывают в клетках —
Там леопард, а там лиса,
Заморских птиц полно на ветках,
Но за решеткой небеса.

На обезьян глядят зеваки,
Который трезв, который пьян,
И жаль, что не дойдет до драки
У этих самых обезьян.

Они хватают что попало,
По стенам вверх и вниз снуют
И, не стесняясь нас нимало,
Визжат, плюются и жуют.

Самцы, детеныши, мамаши,
Похожесть рук, ушей, грудей,
О нет, не дружеские шаржи,
А злые шаржи на людей,

Пародии, карикатуры,
Сарказм природы, наконец!
А вот в отдельной клетке хмурый,
Огромный обезьян. Самец.

Но почему он неподвижен
И безразличен почему?
Как видно, чем-то он обижен
В своем решетчатом дому?

Ему, как видно, что-то надо?
И говорит экскурсовод:
— Погибнет. Целую декаду
Ни грамма пищи не берет.

Даем орехи и бананы,
Кокос даем и ананас,
Даем конфеты и каштаны —
Не поднимает даже глаз.

— Он, вероятно, болен или
Погода для него не та?

— Да нет. С подругой разлучили.
Для важных опытов взята.

И вот, усилья бесполезны...
О зверь, который обречен,
Твоим характером железным
Я устыжен и обличен!

Ты принимаешь вызов гордо,
Бескомпромиссен ты в борьбе,
И что такое «про» и «контра»,
Совсем неведомо тебе.

И я не вижу ни просвета,
Но кашу ем и воду пью,
Читаю по утрам газеты
И даже песенки пою.

Средь нас не выберешь из тыщи
Характер, твоему под стать:
Сидеть в углу, отвергнув пищу,
И даже глаз не поднимать.

ЖУРАВЛИ УЛЕТЕЛИ

«Журавли улетели, журавли улетели!
От холодных ветров потемнела земля.
Лишь оставила стая средь бурь и метелей
Одного с перебитым крылом журавля».

Ресторанная песенка. Много ли надо,
Чтоб мужчина сверкнул полупьяной слезой?
Я в певце узнаю одногодка солдата,
Опаленного прошлой войной.

Нет, я с ним незнаком и не знаю подробно,
О каких журавлях он тоскует сейчас.
Но, должно быть, тоска и остра и огромна,
Если он выжимает слезу и у нас.

«Журавли улетели, журавли улетели!!!
От холодных ветров потемнела земля.
Лишь оставила стая средь бурь и метелей
Одного с перебитым крылом журавля».

Ну какой там журавль? И какая там стая?
И куда от него улетела она?
Есть квартира, поди.
Дочь, поди, подрастает.
Помидоры солит хлопотунья жена.

И какое крыло у него перебито?
И какое у нас перебито крыло?
Но задумались мы. И вино не допито.
Сладковатой печалью нам душу свело.

«Журавли улетели, журавли улетели!!!
От холодных ветров потемнела земля.
Лишь оставила стая средь бурь и метелей
Одного с перебитым крылом журавля».

Ресторанная песенка. Пошлый мотивчик.
Ну еще, ну давай, добивай, береди!
Вот и в дальнем углу разговоры затихли,
Душит рюмку майор со Звездой на груди.

Побледнела и женщина, губы кусая,
С повтореньем припева больней и больней...
Иль у каждого есть улетевшая стая?
Или каждый отстал от своих журавлей?

Допоет и вернется в ночную квартиру.
Разойдутся и люди. Погаснут огни.
Непогода шумит. В небе пусто и сыро.
Неужели и впрямь улетели они?

ЯСТРЕБ

Я вне закона, ястреб гордый,
Вверху кружу.
На ваши поднятые морды
Я вниз гляжу.

Я вне закона, ястреб сизый,
Вверху парю.
Вам, на меня глядящим снизу,
Я говорю.

Меня поставив вне закона,
Вы не учли:
Сильнее вашего закона
Закон Земли.

Закон Земли, закон Природы,
Закон Весов.
Орлу и щуке пойте оды,
Прославьте сов!

Хвалите рысь и росомаху,
Хорей, волков...
А вы нас всех, единым махом,—
В состав врагов,

Несущих смерть, забывших жалость,
Творящих зло...
Но разве легкое досталось
Нам ремесло?

Зачем бы льву скакать в погоне,
И грызть, и бить?
Траву и листья есть спокойней,
Чем лань ловить.

Стальные когти хищной птицы
И нос крючком,
Чтоб манной кашкой мне кормиться
И молочком?

Чтобы клевать зерно с панели,
Как голубям?

Иль для иной какой-то цели,
Не ясной вам?

Так что же, бейте где придется
Вы нас, ловцов.
Все против вас же обернется,
В конце концов!

Для рыб, для птиц любой породы,
Для всех зверей,
Не ваш закон —
Закон Природы,
Увы, мудрей!

Так говорю вам, ястреб-птица,
Вверху кружа.
И кровь растерзанной синицы
Во мне свежа.

СТРЕЛА

В глазах расплывчато и ало,
На взмахе дрогнула рука.
Ты как стрела, что в грудь попала
Пониже левого соска.

Несется дальше грохот брани,
А я гляжу, глаза скося:
И с ней нельзя, торчащей в ране,
И выдернуть ее нельзя.

Сползу с коня, раскину руки.
Стрела дрожит от ветерка.
За крепкий сон, за краткость муки
Спасибо, меткая рука.

ДАВНЫМ-ДАВНО

Давным-давно известно людям,
Что при разрыве двух людей
Сильнее тот, кто меньше любит,
Кто больше любит, тот слабей.

Но я могу сказать иначе,
Пройдя сквозь ужас этих дней:
Кто больше любит, тот богаче,
Кто меньше любит, тот бедней.

Средь ночи злой, средь ночи длинной,
Вдруг возникает крик в крови:
О боже, смилуйся над милой,
Пошли ей капельку любви!

ОЧАГ

Безнадежно испорчено слово «очаг»,
Эти плоские камни в убогом жилище,
Где огонь в непогожие ночи не чах,
Чтоб согрелась семья и поджарилась пища.

Добрый, теплый огонь.
Он в гнезде из камней
Прожил тысячи лет — огнеперая птица.
Был округлым очаг,
Чтобы людям тесней
Вкруг огня в непогожую ночь разместиться.

Но не только огонь и не камни — очаг.
Есть на свете семья, и в теченье столетий
Тосковал мореходец о добрых очах,
Об объятьях жены и о маленьких детях.
Тосковал мореходец,
Рыбак,
Зверолов,
Все мечтал поскорее домой воротиться.

Он вернется домой, и устал и суров,
И забьется в камнях огнеперая птица,
«...Очаги ТБЦ»,— говорят доктора,
Над больным распрямляя усталые спины.
Захворал у соседей ребенок вчера,
И назвали его очагом скарлатины.

Смысл великий у этого слова зачах.
Очаги радиации есть в океане.
На Тайване — очаг,
И в Берлине — очаг,
И очаг постоянно дымится в Ливане!

На таком очаге не сготовишь еды,
На ночлеге степном он тебе не приснится.
Там расправила черные крылья беды
И готова взлететь смертоносная птица.

Летуны разлетелись в ненастных ночах.
Спит дочурка моя, одеяльцем укрыта...
Как жестоко испорчено слово «очаг»,
Теплота,
Доброта очага позабыта!

МУЖЧИНЫ

Б. П. Розановой

Пусть вóроны гибель вещали
И кони топтали жнивье,
Мужскими считались вещами
Кольчуга, седло и копье.

Во время военной кручины
В полях, в ковылях, на снегу
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины
Пути заступали врагу.

Пусть жены в ночи голосили
И пролитой крови не счесть,
Мужской принадлежностью были
Мужская отвага и честь.

Таится лицо под личиной,
Но глаз пистолета свинцов.
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины
К барьеру вели подлецов.

А если звезда не светила
И решкой ложилась судьба,
Мужским достоянием было
Короткое слово — борьба.

Пусть небо черно, как овчина,
И проблеска нету вдали,
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины
В остроги сибирские шли.

Я слухам нелепым не верю,—
Мужчины теперь, говорят,
В присутствии сильных немеют,
В присутствии женщин сидят.

И сердце щемит без причины,
И сила ушла из плеча.
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины,
Вы помните тяжесть меча?

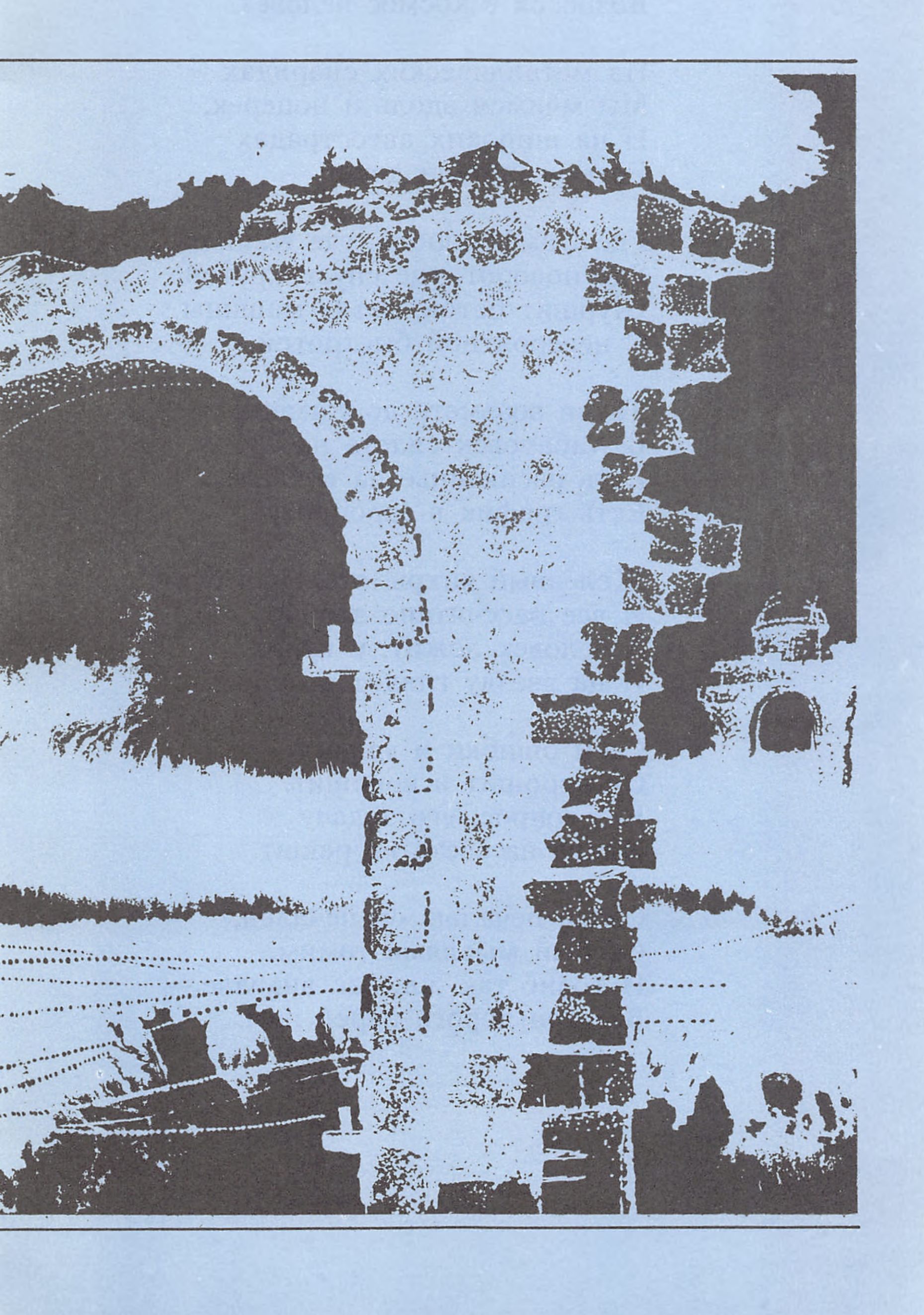
Врага, показавшего спину,
Стрелы и копья острие,
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины,
Вы помните званье свое?

А женщина — женщиной будет:
И мать, и сестра, и жена,
Уложит она, и разбудит,
И даст на дорогу вина.

Проводит и мужа и сына,
Обнимет на самом краю...
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины,
Вы слышите песню мою?

СУДЬБЫ

* * *

На смирной лошади каурой
(Куда влеком и кем гоним?)
Стоит у камня витязь хмурый,
И три дороги перед ним.

Летят над русскою равниной
За веком век, за веком век,
Умолкли древние былины,
Вознесся в космос человек.

На металлических снарядах
Мы мчимся вдоль и поперек,
И на широких автострадах
Есть указатели дорог —

Где Симферополь, где Кашира,
Где поворот, где спуск крутой.
Шуршит бетон, летят машины
С невероятной быстротой.

Такси возьмете до Рязани,
В Хабаровск сядете на Ту.
Есть расписанье на вокзале,
Есть график в аэропорту.

Железный вихрь, стальная буря,
И все рассчитано давно...
А человек лежит, и курит,
И на звезду глядит в окно.

Свои ошибки и удачи
Он ворошит и ворошит.
Его вопрос, его задачу
Никто на свете не решит.

Своей печалью он печален,
Своими мыслями томим.
И точно так же, как вначале,—
Все три дороги перед ним.

НЕГЛИНКА

Пусть не размашисто, не длинно,
Но все же в птичьих голосах
Текла себе река Неглинка
В зеленых, смешанных лесах.

Там дуб, там ель, там кустик тала
Гляделись в воду без труда.
Когда ж сосна преобладала,
То медной делалась вода.

В ней, розоватой на закате,
Все было видно до земли —
И голавли на перекате,
И пескаришки на мели.

Смыкались над водой вершины
И создавали мрак и тень.
Зато фонарики кувшинок
Светили ярко целый день.

Стрела щуренка из засады,
Коряги, заросли осок,
Стрекозы в радужных нарядах,
В дрожащих зайчиках песок,

Да пена белая, как вата,
Да птичьи мелкие следы.
А там, где глина красновата,
Свисали корни до воды.

То звезды высыпят над нею,
То синим куполом — зенит.
То тихим омутом темнеет,
А то по камушкам звенит.

Так и жила себе Неглинка,
Не знала горя на веку,
Текла не торопко, не длинно,
Впадая в бóльшую реку.

И не ждала б судьба лихая
Речонку с мохом и травой,

Когда бы та река другая
Не оказалась вдруг Москвой.

Где цвет черемухи душистой,
Где блики утренней зари?
Где отраженный месяц чистый,
Где соловьи, где пескари?

Домов кирпичные громады,
Земля асфальтом залита,
Машины, вывески, ограды,
Киоски, рынок, суета.

И только улица Неглинка
Напомнит вам наверняка,
Что по преданиям старинным
Когда-то здесь текла река.

Текла, была — и ни приметы,
Ни берегов, ни дна, увы.
Ну что ж, была, а нынче нету
Среди разросшейся Москвы.

Как и стогов нет на Остоженке,
А на Садовом нет садов.
Как нет Соломенной сторожки,
От рощи Марьиной следов.

Где Сивцев Вражек, долы, горы,
Полянки, мох и топь болот?
Где сосны сумрачного бора
У Боровицких — в Кремль — ворот?

Растет Москва, никто не ропщет.
Преобразуют мир века.
Но речь одна — сады и рощи,
Другая речь, когда — река.

Однажды, идя по Трубной площади, я увидел, что открыты большие железные люки, около которых стоят грузовики, наполненные снегом. Грузовик за грузовиком сваливали снег, как в бездонную пропасть. Мне

стало интересно, куда снег девается, и я подошел.

В темной глубине, в тесных осклизлых стенах, бурля и как бы радуясь мгновенному просвету открытых люков, быстро неслась вода. Она подхватывала глыбы грязного городского снега, тотчас размывала и уносила его.

— Что это? — спросил я у рабочих, занятых снегом.

— Как что? Река Неглинка.

В другой раз, в июле, на центр Москвы обрушился светлый ливень. Ручьи мчались вдоль тротуаров, становясь все обильнее. Вдруг, на той же Трубной площади, на месте как бы взорвавшихся люков, вздыбились большие бугры воды. Площадь превратилась в натуральное озеро. Теперь мне не надо уж было спрашивать, я знал, что это вырвалась из подземного заключения к летнему небу, к ливню река Неглинка.

Так дважды я убедился, что даже такой город, как Москва, не может окончательно умертвить маленькую речушку, что, загнанная под землю, придавленная навалившимся на нее многомиллионным городом, она все-таки жива, и в то время, как мы проезжаем по Москве в троллейбусах и такси (когда спим — тоже), под нами бьется, как жилка, как слабенький пульс земли, вечная и живая струя реки.

Шумит великая столица,
Шуршит машинами над ней.
И что же ей, Неглинке, снится
Среди подземных кирпичей?

Кувшинки, синие стрекозы,
Чуть розоватый свет зари?
Луга, песчаные откосы
И на быстринке пескари?

Весной лихое половодье,
Июль в цветах, январь во льду?

Хоть в берегах, да на свободе,
Хоть под уклон, да на виду?

Или мечтает, может статься,
И видит, словно наяву,
Как лет мильонов через двадцать
Она переживет Москву?

Как расточатся по крупинке
Асфальт, чугун, кирпич, гранит
И будет у реки Неглинки
Опять речной привычный вид?

Леса вокруг. Свежо. Светает.
Природа в вечной кутерьме...
Что ж, время есть. Пускай мечтает.
А что ей делать там, во тьме?

ОНА ЕЩЕ О ХИМИИ СВОЕЙ...

— Чем вы занимаетесь?
— Химией.
— Как ваша фамилия?
— Муромцева.

*

На следующий день, 13 ноября, я, как обычно, работала над чем-то по органической химии. Стояла у вытяжного шкафа. Меня вызвали к телефону... Я услышала голос Бунина.

*

В пятницу 1 декабря, возвратившись из лаборатории раньше обыкновенного, я нашла у себя в письменном столе несколько книг Бунина.
В. Н. Бунина (Беседы с памятью)

Она еще о химии своей...
Не ведает (о милая наивность!),
Что в звездах все уже переменилось —
Он ей звонит, он книги носит ей.

Он в моде, в славе. Принят, и обласкан,
И вхож во все московские дома.
Им угощают. Только мать с опаской
Глядит на дочкин с Буниным роман.

Жуир. Красавчик. Дон Жуан. Сластена.
Уж был женат, и брошена жена.
Перчатки, трость. Небрежно и влюбленно.
Свежайших устриц! Белого вина!

Она еще куда-то в длинном платье
Спешит, походкой девичьей скользя.
О женщина, оставь свои занятья —
Иная уготована стезя.

Она еще о химии лепечет.
Шкаф вытяжной. Пробирки. Кислота.
Но крест чугунный лег уже на плечи...
Ну, хорошо. Пока что — тень креста.

Пока еще святая Палестина,
Борт корабля, каюта, зеркала.
Свободный брак. Пускай смеются в спину.
Над Средиземным морем ночи мгла.

Как все легко, доступно. Мать смирилась.
А он красив, талантлив и умен.
Чтоб это длилось, длилось, длилось,
длилось,
Чтоб только он, навеки только он!

Что ж, так и будет. То есть даже ближе
И дольше, чем дерзала бы мечта.
В голодном и нетопленом Париже —
Вот где любовь воистину свята!

Париж-то сыт, да проголодь в Париже
Растянется на много, много лет,
Где друг ее уж тем одним унижен,
Что Бунин он — прозаик и поэт.

Ну а пока — извозчик, стерлядь, вина.
Он наклонился. Что-то шепчет ей.
Московский снег. В неведенье наивном
Она пока — о химии своей...

ПОЭМА ШАМИЛЯ

Шамиль был храбр. Никто не отрицает.
Была ему и выдержка дана,
Когда в папахах, саблями бряцая,
Вокруг него смыкались племена.

Единый дух ковался в ходе стычек,
Засад, набегов, вылазок, атак.
Разноязыких и разнообычих
Попробуй собери в один кулак!

Разобщены, невежественны горцы.
Что из того, что каждый врозь удал.
Чтоб их спаять — сиял, как в небе солнце,
Герой, чистейший образ, идеал.

Не ради славы, ради цели этой
Мосты сожгя, надежды обрубя,
Он сам себя творил как бы легенду,
Писал как бы поэму сам с себя.

Легко ли горстке против тысяч драться
И выдержать, стоять за годом год?
А раны что? Их было девятнадцать.
Дух не сломался — рана заживет.

Он так учил: «Нельзя гяурам в руки
Живьем даваться перед ликом гор.
Здесь только смерть, а там позор и муки,
Навеки несмываемый позор.

Смерть на свободе или жизнь в неволе?
Сама возможность выбора смешна!
Для них война — кампания, не боле.
Для нас она — священная война».

И шли, противоборствуя теченью
Истории. Вращенью колеса.
И совершали, верные ученью,
Отваги ли, безумства ль чудеса,

Когда один бросался против роты,
С кинжалом лез на ядра и картечь,

Врубался в строй ощеренной пехоты
Убить, сразить и сразу мертвым лечь.

В последний миг, наверно, думал каждый,
Не доставаясь все-таки врагам:
Имам сказал... Имам бы сделал так же...
Аллах велик. Велик и наш имам.

И вот — Гуниб. Последняя облава
Идет на горстку этих храбрецов.
Обречены на гибель и на славу,
Окружены они со всех концов.

Их около трехсот всего там было,
В кольце несметных полчищ и огня.
«Гуниб, Гуниб — великая могила!» —
Как некогда сказали до меня.

Земли осталось только под ногами.
Уходит из-под ног уже земля.
Сидит в тени Барятинский на камне
И ждет к себе имама Шамиля.

Но молится Шамиль, взойдя на крышу,
Прося, как прежде, гибели врагу.
Для той поэмы он сейчас напишет
Последнюю кровавую строку.

Дабы гордиться правнуки могли бы...
Его приказа ждут уже с утра
Вернейшие мюриды и наибы,
Вернейшие имаму нукера.

Счастливый миг — погибнуть за имама.
Великий миг — погибнуть вместе с ним.
Известно — мертвецы не имут срама,
Сегодня мертвым легче, чем живым.

Готовы все. Но — стойте. Что такое?
Что он задумал? Он к врагам идет.
Своей, не раз простреленной рукою
Свою. Гяурам! Саблю!! Отдает!!!

Как прежде в небе солнышко светило.
Не грянул гром. Не треснула земля.
Гуниб, Гуниб, великая могила,
Хоть живы все, включая Шамиля!

Не знаю я, по-своему ли, так ли,
Еще пока до школы и до книг,
Мальчишке мать рассказывает в сакле
Про Шамиля и, значит, про Гуниб.

Огнем горя, глазенками сверкая,
Внимает сын про доблесть давних сеч.
Зачем же мать внезапно замолкает
И на другое переводит речь?

Рассказ нарушен. Песня не допета.
Кипит обида в сердце у мальца.
Как объяснить, что у легенды нету
Единственного, нужного конца?

И как ни теребить мальчишка хваткий,
Как ни реви и сколько слез ни лей,
Что не погиб Шамиль в последней схватке,
Что сдался он — не выговорить ей.

Какой пример! Наглядно видим все мы,
Насколько роль поэта высока.
В блестящую и славную поэму
Навеки вкралась слабая строка.

ЛОЗУНГИ ЖАННЫ Д'АРК

Звучал с непонятной силой
Лозунг ее простой:
За свободу Франции милой,
Кто любит меня — за мной!

Драпают пешие воины,
Смешался конников строй,
А она говорит спокойно:
Кто любит меня — за мной!

Знамя подъемлет белое,
Его над собой неся,
Как будто идет за девою
Сзади Франция вся.

Истерзана милая Франция,
Проигран за боем бой.
Уже бесполезно драться...
Кто любит меня — за мной!

Шестнадцати лет девчонка,
Носительница огня,
Сменила свою юбчонку
На латы, меч и коня.

Свершая святое дело,
За ударом неся удар,
Едет нежная дева,
Железная Жанна д'Арк.

В стане британцев паника,
В стане британцев вой,
Она поднимается — ранена:
Кто любит меня — за мной!

Конечно, мне лучше было бы
Цветы собирать в лесу.
Но гибнет Франция милая,
И Францию я спасу.

Девчонка я, мне бы все же —
Жених, ребятишки, дом.
Но если не я, то кто же?
Если не я — никто.

Хрупка я, но бог поможет,
Дух укрепляя мой.
Если не я, то кто же?
Кто любит меня — за мной!

В чем силы ее источник,
Загадка не решена.
Но все исполнилось в точности,
Как сказала она.

Победа — ее награда.
Как молния меч сверкал.
С Орлеана снята осада,
Коронован в соборе Карл.

А дальше? Позор мужчинам.
Людям стыд и позор.
Суд заседает чинно,
В Руане горит костер.

Британцы или бургундцы,
Епископы или князья,
Девчонку мучить? Безумцы!
Отвагу судить? Нельзя!

А что же Франция милая?
Где же она была?
С легкостью изменила,
Походя предала.

И Карл, коронованный Жанной,
Где же тогда он был?
Король, как это ни странно,
Первым руки умыл.

А эти зеваки, толпы
Вокруг костра на ветру,

Почему не бросились, чтобы
Спасти из огня сестру?

Конечно, каре, охрана,
Войско во всей красе.
Но если бы ради Жанны
Бросились сразу все?

В больших городах и малых,
В селах и деревнях,
В харчевнях и пышных залах,
Пешими, на конях?

Трусы? Рабы обмана?
Горем сердца полны?
Не вас ли спасала Жанна,
Бросаясь в костер войны?

Люди, сделайте милость,
Пока не померк еще взор.
Одна за всех — получилось.
Все за одну... позор!

Вечером под золою
Нашли в углях палачи
Сердце ее как живое,
Только что не стучит.

Сердце бросили в Сену,
Чтобы стереть и след.
С тех пор прошло постепенно
Полтысячи с лишним лет.

Слава ее окрепла.
И там, где в беде народ,
Дева встает из пепла,
На помощь она идет.

Тогда всех других дороже
Лозунг, зовущий в бой:
Если не я, то кто же?
Кто любит меня — за мной!

ДРУЗЬЯМ

ИДУТ КРОВОПРОЛИТНЫЕ БОИ

Внутри меня возникли баррикады.
Сперва толпа, булыжник мостовой,
Окраины, ораторы, отряды,
Предатели, каратели — и бой!

Войска закона движутся к заставам,
Для них повстанцы — дикая орда,
Та часть меня, которая восстала
На часть меня, которая тверда.

Что из того, что тихо ночью в доме,
Что, рядом спя, не слышит и жена,
Как в беспрерывном скрежете и громе
Идет во мне гражданская война?

Свистят фугасы, крутятся радары,
Огня и крови яростный союз...
И кто бы ни клонился под ударом,
То я клонюсь, один лишь я клонюсь!

Страшна беда, как все на свете беды,
Разорены цветущие края...
Но кто бы ни одерживал победу,
То я ее одерживаю, я!

Как и всегда, с вопросами при встрече
Ко мне друзья, знакомые мои:
— Ну, как живешь? Здоровье как?
Отвечу:
— Идут кровопролитные бои.

Вы моему спокойствию не верьте,
Обманчив внешний благодушный вид.
Лишь одного боюсь я больше смерти —
Уснешь. А кто-то третий победит.

ВОЛКИ

Мы — волки,
И нас
По сравненью с собаками
Мало.
Под грохот двустволки
Год от году нас
Убывало.

Мы, как на расстреле,
На землю ложились без стона.
Но мы уцелели,
Хотя и живем вне закона.

Мы — волки, нас мало,
Нас, можно сказать,— единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться.

Вам блюдо похлебки,
Нам проголодь в поле морозном,
Звериные тропки,
Сугробы в молчании звездном.

Вас в избы пускают
В январские лютые стужи,
А нас окружают
Флажки роковые все туже.

Вы смотрите в щелки,
Мы рыщем в лесу на свободе.
Вы в сущности — волки,
Но вы изменили породе.

Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале.
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измельчали.

И льстить и служить
Вы за хлебную корочку рады,
Но цепь и ошейник
Достойная ваша награда.

Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем.
Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим.

ТРИ ПОЭТА

Когда ударил грозный залп «Авроры»
И взяли власть в стране большевики,
Служили революции опорой
Не только пулеметы и штыки.

Служило слово — письменно и устно,—
Побольше слов, как можно больше слов!
Хотелось им привлечь к себе искусство,
Его уже известных мастеров.

Пусть этот — шут, а этот полон злобы,
А тот вещает гибель и конец,
Велели Луначарскому для пробы
Собрать их всех в Таврический дворец.

И вот призыв, подобие декрета.
Из тех, кто был поблизости и мог,
Пришли на зов всего лишь три поэта:
В. Маяковский, Рюрик Ивнев, Блок.

Казалось им (а каждый прям и честен),
Что их зовет история, страна.
Но брызжет кровь, и надо, чтоб за песней
Была стрельба в подвалах не слышна.

Казалось им — бессмертные страницы.
Сбываются мечтания и сны.
Но ворошатся царские гробницы
И храмы все уже обречены.

Казалось им — возвышенная повесть,
Нет, летопись! Правдивый звон строки...
Но начинают действовать на совесть
На дальнем Белом море «Соловки».

Казалось им, что путь добра приемлют,
Но в хлюпанье поспешных грязных ям,
Но в землю,
В землю,
В землю,
В землю,
В землю
Ложатся миллионы россиян.

Их было трое. В круге этом узком
Звучал недолго благовестный стих.
Блок умер первым, ибо самым русским
И самым честным был он из троих.

Он умер не от тифа, не от раны
(Небрит, прозрачен, впалые виски),
Но от того, что понял слишком рано...
Сказать точнее, просто от тоски.

Второй пытался встать на горло песне,
Что значит петь не сердцем, а умом.
Но час придет и выстрел сухо треснет,
Прощай, Москва — Гоморра и Содом!

Постигший бездну вовремя погибнет,
Возможность мук погибнет вместе с ним.
Я думаю, за что же Рюрик Ивнев
Особой казнью столько лет казним?..

Глядеть на все. Ползут десятилетья.
Все понимать. И помнить, черт возьми!
Россия. Блок. А эти... как их... эти...
Когда-то были все-таки людьми.

Он помнит, были. И Россия — тоже.
И сам он был как если бы во сне.
Ползут десятилетия. О Боже,
За что печешь на медленном огне?

День настает. Разносятся газеты.
Из года в год один и тот же слог.
Их было три восторженных поэта:
В. Маяковский, Рюрик Ивнев, Блок.

ИВАНУШКИ

Старик ора́ет. Ткет холсты старуха,
Румяна дочка, полон сундучок,
А на печи, держа в руках краюху,
Иванушка — простите — дурачок.

В тонах доброжелательных и красках,
Русоволосы, мыслями легки,
На всех печах, во всех народных сказках
Иванушки — простите — дурачки.

На теплых кирпичах, объяты ленью,
Считая мух, они проводят дни.
Зато потом по щучьему веленью
Все моментально сделают они.

Драконов страшных тотчас побеждают,
Им огненные головы рубя,
Невинных из темниц освобождают,
Берут царевен замуж за себя.

Забыв о печках, мамках и салазках,
На сивках-бурках мчат во все концы.
Как хорошо: во всех народных сказках
Иванушки выходят — молодцы.

Ан нет, и впрямь: и царство все проспали,
И отдали в разор красу земли...
Царевен в сказках доблестно спасали,
А подлинных царевен не спасли.

ДРУЗЬЯМ

Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья...
Могилы, могилы, могилы —
Их сосчитать нельзя.

Стреляли людей в затылок,
Косил людей пулемет.
Безвестные эти могилы
Никто теперь не найдет.

Земля их надежно скрыла
Под ровной волной травы.
В сущности — не могилы,
А просто ямы и рвы.

Людей убивали тайно
И зарывали во тьме,
В Ярославле, в Тамбове, в Полтаве,
В Астрахани, в Костроме.

И в Петрограде, конечно,
Ну и конечно, в Москве.
Потоки их бесконечны —
С пулями в голове.

Всех орденов кавалеры,
Священники, лекаря,
Земцы и землемеры
И просто учителя.

Под какими истлели росами,
Не дожившие до утра,
И гимназистки с косами,
И мальчики-юнкера?

Каких потеряла, не ведаем,
В мальчиках тех страна
Пушкиных и Грибоедовых,
Героев Бородина.

Россия — могила братская,
Рядами, по одному,
В Казани, в Саратове, в Брянске,
В Киеве и в Крыму...

Куда бы судьба ни носила,
Наступишь на мертвеца.
Россия — одна могила
Без края и без конца.

В черную свалены яму
Сокровища всех времен:
И златоглавые храмы,
И колокольный звон.

Усадьбы, пруды и парки,
Аллеи в свете зари,
И триумфальные арки,
И белые монастыри.

В уютных мельницах реки
И ветряков крыло.
Старинные библиотеки
И старое серебро.

Грив лошадиных космы,
Ярмарок пестрота,
Праздники и сенокосы,
Милость и доброта.

Трезвая скромность буден,
Яркость песенных слов.
Шаляпин, Рахманинов, Бунин,
Есенин, Блок, Гумилев.

Славных преданий древних
Внятные голоса.
Российские наши деревни,
Воды, недра, леса.

Россия — одна могила,
Россия — под глыбой тьмы...
И все же она не погибла,
Пока еще живы мы.

Держитесь, копите силы,
Нам уходить нельзя.
Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья.

НАСТАЛА ОЧЕРЕДЬ МОЯ...

Когда Россию захватили
И на растленье обрекли,
Не все России изменили,
Не все в предатели пошли.

И набивались тюрьмы теми,
В ком были живы долг и честь.
Их поглощали мрак и темень,
Им ни числа, ни меры несть.

Стреляли гордых, добрых, честных,
Чтоб, захватив, упрочить власть.
В глухих подвалах повсеместно
Кровища русская лилась.

Все для захватчиков годилось —
Вранье газет, обман, подлог.
Когда бы раньше я родился,
И я б тогда погибнуть мог.

Когда, вселяя тень надежды,
Наперевес неся штыки,
В почти сияющих одеждах
Шли Белой гвардии полки,

А пулеметы их косили,
И кровь хлестала, как вода,
Я мог погибнуть за Россию,
Но не было меня тогда.

Когда (ах, просто как и мудро)
И день и ночь, и ночь и день
Крестьян везли в тайгу и тундру
Из всех российских деревень,

От всех черемух, лип и кленов,
От речек, льющихся светло,
Чтобы пятнадцать миллионов
Крестьян российских полегло,

Когда, чтоб кость народу кинуть,
Назвали это — «перегиб»,

Я — русский мальчик —мог погибнуть
И лишь случайно не погиб.

Я тот, кто, как ни странно, вышел
Почти сухим из кутерьмы,
Кто уцелел, остался, выжил
Без лагерей и без тюрьмы.

Что ж, вспоминать ли нам под вечер,
В передзакатный этот час,
Как, души русские калеча,
Подонков делали из нас?

Иль, противостоя железу
И мраку противостоя,
Осознавать светло и трезво:
Приходит очередь моя.

Как волку, вырваться из круга,
Ни чувств, ни мыслей не тая,
Прости меня, моя подруга,
Настала очередь моя.

Я поднимаюсь, как на бруствер,
На фоне трусов и хамья.
Не надо слез, не надо грусти —
Сегодня очередь моя!

ДИАЛОГ

— Умеем мы в расчете точном
Смотреть сквозь дальние года.
Мы можем мост построить прочный,
Чтобы ходили поезда.
Мы город возведем в пустыне,
На пустыре раскинем парк...
А вы что можете, простите?
— А я могу сыграть ва-банк.

— Мы, приучив себя стараться,
Интеллигенты все подряд,
И темы наших диссертаций
О чем-нибудь да говорят.
Пройдя сквозь морок общежитий,
Мы в люди вышли, как-никак...
А вы что можете, скажите?
— А я могу сыграть ва-банк.

— Все было — беды и невзгоды,
Мечты, наколок якоря,
Костры и дальние походы,
Палатки, песни, лагеря.
Мочил нас дождь, и сек нас ветер,
Мы шли сквозь непогодь и мрак...
А вы что можете, ответьте?
— А я могу сыграть ва-банк.

— У нас в руках правленья узы,
Машины, дачи и пайки,
Идут в улучшенные вузы
И дочки наши, и сынки.
Открыты нам все части света:
Париж, Япония, Ирак.
А вы что можете при этом?
— А я могу сыграть ва-банк.

— Мы входим в пору юбилеев,
Банкеты, тосты, ордена.
Но мы себя не пожалеем,
Когда опять велит страна.
Не бросим мы стези железной,
И порох сух, и прочен танк...

А вы что можете, любезный?
— А я могу сыграть ва-банк.

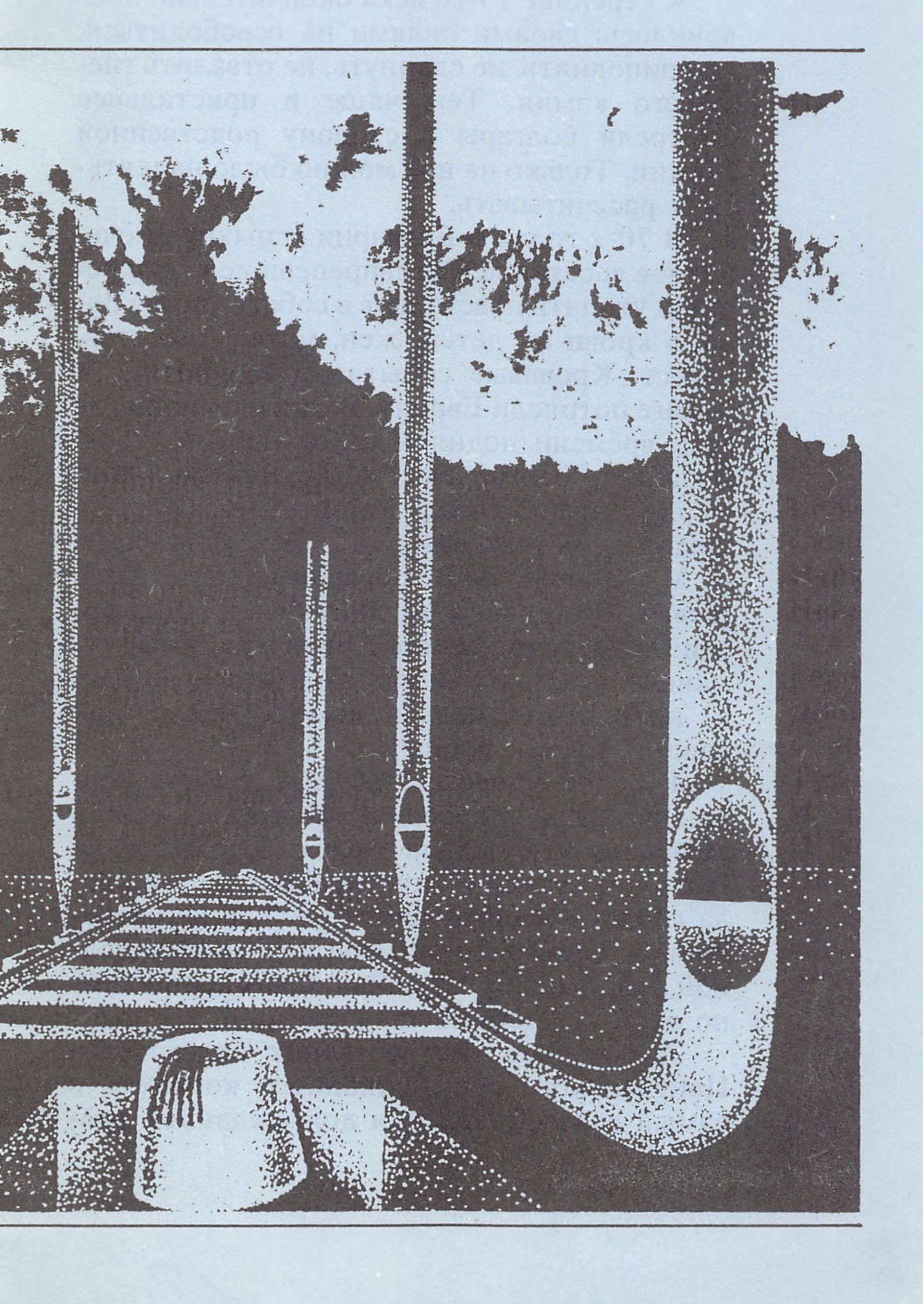
Конечно, мы уже не те же:
Одышка, боль в боку, а там...
Но бег трусцой, и воздух свежий,
И упражненья по утрам...
Есть мумие, женьшень, однако,
Плоды папай и прочих манг...
А вы что можете, бедняга?
— А я могу сыграть ва-банк.

Я тих и добр. Люблю с друзьями
Попить, поесть. Наедине
Люблю остаться со стихами,
Что пробуждаются во мне.

Я весь открыт. Мой путь несложен.
Я не в числе лихих рубак.
Но все же будьте осторожны —
Ведь я могу сыграть ва-банк!

ВЗОШЛО СОЛНЦЕ ЯСНОЕ...

ВЗОШЛО СОЛНЦЕ ЯСНОЕ...

(Несколько болгарских народных песен об освободительной русско-турецкой войне 1877 года)

Турецкое иго растянулось для Болгарии на пятьсот лет. Одно восстание следовало за другим, но что могли сделать плохо вооруженные повстанческие отряды с регулярной армией могущественной в то время Турецкой империи?

К середине 19-го века окончательно прояснилось: своими силами не освободиться, не приподнять, не сдвинуть, не отвалить гнетущего камня. Тем чаще и пристальнее смотрели болгары в сторону родственной России. Только на нее можно было надеяться и рассчитывать.

В 70-х годах в Болгарии вспыхнуло очередное восстание. Рассвирепевшие турки решили утопить повстанцев в собственной крови, в крови их детей, жен, матерей, сестер, невест. Кровавые события в Перуштице и Батаге потрясли Европу. Великие гуманисты того времени подняли голос против турок В защиту болгар выступили Виктор Гюго, Чарлз Дарвин, Оскар Уайльд, Лев Толстой, Федор Достоевский, Д. И. Менделеев, В. М. Гаршин, В. В. Верещагин. Иван Сергеевич Тургенев в те дни писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне самые гуманные чувства: они только и живут во мне, и, коль этому нельзя помочь иначе, как войной, ну так война!»

Русское общество забурлило. Иван Сергеевич Аксаков говорил: «Никогда никакая война не возбуждала такого всеобщего на Руси сочувствия и одушевления, не вызывала столько животворящей любви, не заслужила в такой полной мере названия народной, как именно эта война, благодаря именно этой священной задаче».

А вот слова из воззвания болгарского Центрального революционного комитета в самый день объявления долгожданной вой-

ны: «Мы несли мученический крест, но, несмотря на неописуемую неволю и страдания, у нас теплилась надежда, которая крепла. Этой надеждой, ни на минуту не оставлявшей нас, была православная великая Россия. Братья, мы не напрасно ожидали ее помощи... вот она идет требовать ответа за пролитую кровь наших мучеников. Скоро русские победоносные знамена взовьются над нашим отечеством.

Русские идут бескорыстно, как братья. Болгары, мы все должны, как один, подняться и по-братски встретить наших освободителей, всеми силами оказывать содействие русской армии».

Результаты этой войны известны.

Четыреста сорок памятников воздвигла Болгария в разных местах русской доблести, русскому бескорыстному братству. Памятники разные и по характеру и по величине. Собор Александра Невского в центре Софии, памятник Александру Второму на площади, перед входом в Народное Собрание, парк генерала Лаврова около Плевны, парк Скобелева, памятник и церковь — памятник на Шипке... где храм, где обелиск, где просто крест над братской могилой — 440 памятников. Но на самом деле памятников этой войне еще больше, ибо что же, как не памятники, народные болгарские песни, родившиеся в те времена или пусть позже, но о тех временах.

Песен много. Вероятно, они в Болгарии собраны, изучаются, издаются. У меня в руках оказалось несколько таких песен. По своему выбору я перевел их на русский язык с той незначительной долей вольности, которая всегда необходима, когда речь идет о переводе поэзии с одного языка на другой.

ПОДНЯЛАСЬ РОССИЯ...

Поднялась Россия победная
Ради брата болгарского бедного.

Поднялась она, мама, встала,
Биться с турками, с их султаном.

Выступают в поход полки,
На конях донцы-казаки.

Они пики, мама, подня́ли,
Знамя в золоте развернули,

А передние траву мяли,
А последние в пыли тонули.

Пики-копья, как лес темнеют,
А знамена, мама, белеют.

На высокой горе, у Шипки
Русский с турком сошлись и сшиблись.

Три дня, мама, прошло, три ночи,
А никто уступить не хочет.

Ни одна сторона не качается,
А патроны уже кончаются.

Ни одна сторона не струсила.
Говорят нам, болгарам, русские:

— Вы, болгары, юнаки, братья,
Камни с глыбами собирайте.

Чтобы турки проклятые дрогнули.
Вы катите на турок бревна.

Мертвецов мы кидали, мама,
Этим туркам на головы прямо.

А потом подошла подмога,
Перебили мы турок много.

Так Россия их победила
И Османа-пашу пленила.

Но Османа русские не убили,
Саблю в золоте подарили.

Ты возьми, Осман, и носи ее.
Не забудь, Осман, про Россию.

БОЙКА У ВОРОТ СТОЯЛА

Белолицая девушка Бойка
У ворот под вечер стояла,
У ворот под вечер стояла,
А в руках она пряжу держала.

Из долины к ней, от реки,
Едут русские казаки.

— Белолицая девушка Бойка,—
Казаки обратились к ней.—
Тут найдется ли место для нас,
Для нас и для наших коней?

Отвечала девушка Бойка:
— Есть тут место для вашего войска.
Есть тут, братья, место для вас,
А для ваших коней припас.

ДУНАЙ БЕЛЫЙ

Ой, Дунай белый, что ты не белеешь?
Ой, Дунай светлый, отчего мутнеешь?

Как же мне белеть, как же не мутнеть?
Над моими водами собрались два войска.

Над моими водами, над волна́ми
Будут завтра биться турки с москвичами.

Турецкое знамя как платок повисло,
Дешевая тряпка, две копейки стоит.

Московское знамя — русская икона,
Шелками расшито, золотом оковано.

Вытащили турки кривые ятаганы,
Зарядили турки длинные ружья,
Надели турки алые фески,
Заиграли турки на турецких дудках,
Ударили турки громко в барабаны.
Лезут на редуты, себя не жалеют.

А русское войско — белые кони,
А над русским войском сверкает икона.
Сверкает икона над белой ратью,
Бьется это войско за болгарских братьев.

Бились наши братья, жизней не жалели,
Турок-янычаров в бою одолели.

Принесли нам знамя, святую икону,
Шелками расшито, золотом оковано.

ОБЛАКО НАД СЕЛОМ ВЬЕТСЯ

Облако над селом вьется,
Облако вьется, а дождь не льется.

То не туча дождевая, не гром —
Войско русское за селом.

Войско русское будет драться,
Чтобы вызволить нас из рабства.

Войско русское — наша надежда,
Надевайте праздничные одежды.

Встретим братьев наших подарками,
Их украсим цветами яркими.

ВЗОШЛО СОЛНЦЕ ЯСНОЕ

Взошло солнце ясное,
Взошло солнце красное,
Осветило белый Дунай.
Оно светило два дня и две ночи,
Оно светило три дня и три ночи.

А то было не солнце ясное,
То было русское войско превеликое.
Казаки донские все с пиками.

На конях Дунай переплыли русские.
Взяли Свищов и взяли Русе.
Подошли они к самой Плевне.

Там их турки ждут тучей хмурой,
Десять тысяч проклятых турок.

Битва шла три месяца полных,
Три тяжелых месяца долгих.

Перебили русские турок.
Кто остался, тех в плен забрали.
Самого пашу Сулеймана
Далеко в Россию услали.

А от Плевны дошли до Шипки,
А от Шипки дошли до Загоры.

Освободили болгар от рабства,
От цепей, плетей, от позора.

ПЕСНЯ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ

Говорилось, говорилось
Не пятьсот ли лет,
Слышалось, слышалось
Не пятьсот ли лет,
Что придет Россия
И прогонит турок,
На земле болгарской
Все болгарским будет.
Говорилось, слышалось
Не пятьсот ли лет,
Время идет, а России нет.

Турецкий паша в Свищо́ве сидит,
Турецкий паша кальян курит.
Молодая болгарка при нем живет,
Кальян подаст и сама зажжет.
Сама добавит и табаку...

Посмотрел паша за Дунай-реку.
Что-то там белеется,
Что-то там чернеется.

Может, это стая белых лебедей,
Может, это стая черных журавлей?

А то были не лебеди, не журавли,
Это русские к Свищову подошли.

Докладывают паше: «Бросай курить,
Русские пришли нас, турок, бить.

Впереди на белом коне генерал,
Идут освобождать гяуров-болгар».

Только это выговорить успели,
Триста выстрелов прогремели,

Трижды ружья грянули залпами,
Три по триста упали замертво.

Тут и болгары все поднялись,
За ружья, за ножи и сабли взялись.

Женщины хлебы месили,
Дети воду носили.

Девять месяцев воевали
Все от мала до стара.

На болгарской земле
Все болгарским стало.

КАКОВЫ КЛИСУРЦЫ...

Каковы клисурцы * — стали москвичами,
А панагюрцы * — донскими казаками.

Черешни срубают — делают пушки,
Гири собирают — делают гранаты.

А потом пошли они в братскую Россию,
Там Гурко и Скобелев у них спросили:

— Может быть, вы голодны, или, может,
голы?
— Нет, мы и не голодны, нет, мы и не голы.

Мы пришли за русскими, мы пришли
за вами,
А еще за храбрыми донскими казаками.

И Гурко и Скобелев тихо им сказали:
— Мы идем к Дунаю с донскими казаками.

Подошли к Дунаю, Дунай переплыли,
Дунай переплыли, турок победили.

---

* Клисура и Панагюриште — болгарские города.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СОФИИ

Слышали ли вы, сестры,
Слышали ли вы, братья,
Что недавно случилось
В Софии-граде?

Девушка рано встала,
На улицу она вышла.
Двор подмела она чисто.
Двор подмела метлою,
Спрыснула двор водою.

На балконе высоком встала,
Поглядела сперва на запад,
Потом на юг, а потом на север,
На восток, что румян и светел.

Увидала она Россию,
Громко-громко возголосила:
— Эй вы, турки, пока не поздно
Бегите прочь.
Пришла Россия с великой силой,
Чтоб нам помочь.

Болгарки-сестры, болгары-братья,
Скорей вставайте, и стар и млад.
Наряды лучшие надевайте,
Навек свободен София-град.

Героям русским цветов нарвите,
Донцов отважных вином поите!

Тут все на улицу выходили
И хороводы везде водили.
И было много подарков разных.
Похож на свадьбу был этот праздник.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

СУДЬБЫ

ДРУЗЬЯМ

ВЗОШЛО СОЛНЦЕ ЯСНОЕ...

Солоухин В. А.

С 60 Северные березы: Стихотворения.— М.: Мол. гвардия, 1990.— 78 [2] с.

ISBN 5-235-01106-6

Владимира Солоухина не надо представлять читателю. Он широко известен как честный и мужественный писатель, немало претерпевший за свое творчество в недавние времена. Новая его книга стихотворений «Северные березы» невелика по объему. Но в ней сконцентрированы непростые думы поэта о прошлом и настоящем нашего Отечества, социальных потрясениях, выпавших на его долю. В памяти поэта воскресают разрушенные храмы и дворцы, образы русской интеллигенции, ее ярчайших представителей, пострадавших в грозные годы революции и гражданской войны, как, впрочем, и в другие, не военные периоды отечественной истории.

Самые светлые страницы книги посвящены природе России, но автора тревожит зачастую неразумное владычество над ней человека.

$С\ \frac{4702010202—047}{078(02)—90}$ КБ—019—051—89 ББК 84Р7

ИБ № 6704

Владимир Алексеевич Солоухин

СЕВЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

Заведующий редакцией **Г. Зайцев**
Редактор **С. Щербаков**
Художник **В. Федоров**
Художественный редактор **Т. Погудина**
Технический редактор **Н. Теплякова**
Корректоры **И. Гончарова, Е. Дмитриева**

Сдано в набор 26.05.89. Подписано в печать 11.12.89. А13177. Формат $60 \times 108^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Условн. печ. л. 4,65. Условн. кр.-отт. 8,57. Учетно-изд. л. 3,0. Тираж 50 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1533.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN **5-235-01106-6**

35 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ